

отношения): *Яны́ ждуть, паку́ль хэ́зьяин ве́рнеца; Ни скэ́зала, куды́ пэ́шла; Я ни зна́ю, які ся́чуння́ день.*

Союзное средство *как/як* в поле объекта сохраняет обстоятельственное (наречное) значение. Поэтому конструкции тяготеют к периферии поля объекта и поля обстоятельства образа действия, отражая такое свойство языковой системы, как непрерывность. Замена союза *что* союзными словами *как / як* стала возможной, когда в поле объекта сложного предложения начали выявляться разного рода оттенки, в силу чего конструкция *Ані́ уві́дзели, как / як прыйшо́л волк* семантически не равна находящейся в центре поля объекта конструкции *Ані́ уві́дзели, што прыйшо́л волк*.

Синтаксическое поле объекта в простом и сложном предложении имеет одинаковое количество семантических центров и развивалось в семантическом отношении однотипно, получив разное формальное выражение, соответствующее простому и сложному предложению. В сложном предложении оно сформировалось позже, поэтому на уровне сложного предложения отсутствуют «балтизмы» и «полонизмы», отражающие результаты более раннего развития этого поля внутри простого предложения.

Исследуемая территория, говоры которой исторически сложились как переходные русско-белорусские, представляет собою «вибрационную зону», где, с одной стороны, в поле объекта сохраняются очень старые явления, а с другой — здесь встретились волны новаций с востока и запада, в свою очередь, часть восточных новаций с этой территории распространилась на запад, а западных — на восток.

¹ Гаджиева Н. З. Принципы ареального описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 176, 177.

² История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1983. С. 46.

³ См.: Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность: Балто-славянская проблема // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. Вып. 2.

⁴ Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. С. 364.

⁵ См.: Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность... С. 145.

⁶ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 156.

⁷ Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983. С. 272.

Н. И. МОРОЗ

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК.

(На материале русского и белорусского поэтических текстов)

Разнообразие научных работ по изучению категории окказиональности¹, некоторая несогласованность в терминологии, отсутствие адекватных представлений в вопросе разграничения (или неразграничения) окказиональных и потенциальных слов (ср. точки зрения А. Г. Лыкова и Э. Ханпиры), неизученность функционального аспекта касательно окказиональной лексики и многое другое говорит о том, что эта тема находится на стадии изучения теоретической и трансляционной лингвистикой и в ней еще много нерешенных вопросов.

Что касается переводческой практики, то, несомненно, категорию окказиональности можно отнести к разряду «непереводимого» при любой трансформации, которой подвергается текст на исходном языке в ходе его преобразования в текст на языке перевода².

Являясь одним из проявлений креативной функции языка, окказиональность находит свое наиболее продуктивное выражение в языке поэзии, а у некоторых авторов, мастеров индивидуального словотворчества, является выражением неотъемлемой особенности авторского видения.

С этой точки зрения представляет интерес анализ избранных произведений А. Вознесенского³ и их перевод, сделанный Г. Бородулиным⁴, так как именно синхронно-сопоставительные исследования русского и национальных языков особенно актуальны с точки зрения практики языковой коммуникации, а также выявления особенностей креативных возможностей языков.

При переводе поэтического текста на близкородственный язык (как и на любой другой) возникает проблема выбора единицы перевода. При данном анализе она выявляется в лексическом пласте языка, поэтому далее будут представлены лишь лексические проявления категории окказиональности, абстрагированные от общего содержания этого понятия.

При исследовании текста исходного языка (ТИЯ) и текста переводного языка (ТПЯ)⁵ были выявлены следующие оппозиции окказиональной лексики: 1) наличие в ТПЯ окказионального лексического эквивалента ТИЯ; 2) отсутствие в ТПЯ окказионального лексического эквивалента ТИЯ; 3) перенос окказиональной лексики в ТПЯ, при котором теряется окказиональный элемент, а лексическая единица представляет собой принадлежность кодифицированного литературного языка (КЛЯ); 4) наличие окказиональной лексики в ТПЯ при ее отсутствии в ТИЯ.

В данной работе нас будут интересовать только оппозиции 1) и 2), так как они позволяют судить о наличии или отсутствии эквивалента окказиональной лексики при ее трансформации в ТПЯ. При помощи оппозиции 1) была выявлена окказиональная лексика, оказавшаяся в наличии в ТИЯ и в ТПЯ. Это следующие окказиональные и потенциальные грамматические формы и лексические единицы:

Я на болотной тропе вечерней / встретил бобра. Он заплакал *вхлюп.* / Ручкой стоп-крана торчал *плачевно* / красной эмали передний зуб. / Я на балотнай сцежцы вячэрняй / сустрэў бабра. Ён заліўся *ўхлюп.* / Ручкай стоп-крана тырчаў *плачэўна* / чырвонай эмалі пярэдні зуб (Бобровый плач).

Дорогие *литсобраты!* / Как я счастлив от того, / Что средь общей благодати / меня кроют одного. / Я щаслівы, ягамосці, / дарагія *літбраты*, / аднаго мяне чыхвосцяць / між агульнай любаты (Дорогие литсобраты).

Клеймите *стриптизы* экранные, / венерам закутайте брюхо. / Но все-таки дух — это главное. / Долой порнографию духа! / Ганьбуйце *стриптизы* экранныя, / венер пазахутвайце глуха. / Ды дух — на галоўнае самае. / Далоў парнаграфію духу! (Порнография духа).

Стали краски *волшебномангитны*, / примерзали к ним люди, входя. / Но стена не хотела молитвы / без гвоздя. / Сталі фарбы *чароўнамагнітныя*: / прымарозіць маглі хадака. / Ды сцяна не хацела малітвы / без цвіка (Жил художник в нужде и гордыне).

Оппозиция 2) позволяет говорить об окказиональной лексике, являющейся принадлежностью лишь ТИЯ, при отсутствии эквивалента в ТПЯ:

Не те вы учили *алфавиты*, / Не те вас кимвалы манили. / Иными их быть не заставите — / ищите иные. / Не тыя вы бралі эмульсіі, / Не тыя вы словы іначылі, / Інакшымі быць іх змусьце — / шукайце інакшыя! (Сначала).

Безмолвье тундровое *фарфорно*. / И слева вздрагивает бегом, / как сбоку / зеркальце / у шофера, / овальный воздух над языком. / Маўкліваць тундравая з фарфору. / І злева ўздрыгваецца бяжком, / нібыта збоку / люстэрка / ў шафера, / паветра авальнае над языком (Олень по кличке «Туманный парень»).

Той природе, *молчальночудной*, / роща, озеро ли, бревно — / им позволено слушать, чувствовать, / только голоса не дано. / І прыродзе той, неназойлівай, / гай, ці возера, ці бярвяно — / І адчуць і пачуць дазволена, / ды не дадзены голас адно (Охота на зайца).

Льнешь ли *лживой зверью*, / юбкою вертя, / я тебе не верю — / верую в тебя. / Хлусіш з ласкаю зверя / ў маладой юрбе, — / я табе не веру — / верую ў цябе (Льнешь ли лживой зверью).

Анализ обеих оппозиций на конкретном речевом материале дает воз-

возможность для утверждения: перевод «окказиональной лексики», являясь общим, подразумевает градацию⁶: 1) окказиональные лексемы (ОЛ) — переведенные: *вхлюп, плачевно* и т. д.; непереведенные: *фарфорно* и т. д.; 2) потенциальные лексемы (ПЛ) — переведенные: *литсобратья, волшеб-но-магнитные* и т. д.; непереведенные: *молчально-чудная* и т. д.; 3) окказиональные формы лексем (ОФЛ) (отличаются от ОЛ тем, что первые входят в систему словообразовательной, а вторые — словоизменительной или формообразующей парадигмы) — переведенные: *стриптизы* и т. д.; непереведенные: *алфавиты, лживая зверь* и т. д.

При передаче ОЛ в ТПЯ сохраняется 95 % ПЛ и 54 ОЛ. Приведенные данные дают возможность утверждать, что именно ОЛ являются наиболее трудными для перевода, причем в наименьшем количестве оказываются ОЛ, выраженные наречиями, затем ОЛ, выраженные прилагательными, наиболее продуктивную группу составляют ОЛ, которые выражаются существительными. Непереведенными оказываются глаголы. При передаче в ТПЯ большой процент составляют ОФЛ (61 %), хотя при переводе на близкородственный язык он мог быть и выше, так как белорусский язык обладает возможностями для максимально полной передачи этих единиц окказиональной лексики. Но, вероятно, их значимость по сравнению с потенциальными и окказиональными лексемами наименьшая, так как, являясь наиболее приближенными к единицам КЛЯ, ОФЛ не концентрируют на себе повышенного внимания переводчика. Обладая способностью к расширению объемов языковых лексико-семантических полей на уровне речи, окказиональная лексика пополняет периферию языковых полей, имеющую иерархическую структуру, неоднородную по составу: наиболее приближенными к центру оказываются ОФЛ, наиболее отдаленными — ОЛ.

Исследователи утверждают, что при переводе оказывается наиболее важным наличие эквивалента единицам, находящимся на периферии. «Это связано с тем, что, во-первых, именно в периферийных областях имеются наиболее значительные расхождения между языками, а во-вторых, удачным использованием периферийных элементов создается выразительность и специфика художественного произведения»⁷. Это положение относимо и к периферийным элементам на уровне речи. Проведенный анализ позволяет утверждать: чем далее отодвинута окказиональная лексическая единица от центра, тем больше затруднений возникает при ее трансформации, т. е. именно ОЛ соединяют в себе одновременно особую сложность и особую значимость при передаче в ТПЯ.

¹ См.: Лыков А. Г. Современная русская лексикология: Русское окказиональное слово. М., 1976.

² См.: Ширяев А. Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. М., 1981. С. 68.

³ См.: Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1975; Вознесенский А. Витражных дел мастер. Стихи. М., 1976.

⁴ См.: Барадулін Р. Небам адзіным. Мінск, 1980.

⁵ Терминология взята из работы: Шаховской В. И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводной единицы содержания текста оригинала: Тетради переводчика. М., Вып. 17. С. 26.

⁶ Нами учтены окказиональные значения единиц КЛЯ.

⁷ Гудавичус А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985. С. 5.

В. А. БЕЛЬСКАЯ

НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО МЕСТНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Анализ существительных, являющихся наименованиями лиц по местности (неотопонимические названия) в современном словенском и русском языках, осуществлен нами по методике А. Е. Супруна¹. Материал